

Ирина Кузнецова
(Калининград)

«С РУССКОЙ ДУШОЙ»

*Т*ак называлась программа, с которой выступил в Германии главный органист культурного центра «Кафедральный собор» Артем Хачатуров.

О предстоящем выступлении нашего музыканта сообщали многочисленные афиши, по радио и телевидению многократно давали анонс. Интерес к концерту определялся не только тем, что Артем Хачатуров — главный органист культурного центра, орган которого, по словам великого органиста современности Оливье Латри, уникален.

Многие немецкие любители музыки и профессиональные музыканты высоко оценили мастерство нашего музыканта. Программа, которую исполнил в Германии Артем Хачатуров, стала для немецких меломанов подлинным открытием, ведь очень немногие, даже в нашей стране, знают о глубоких традициях, которые имеет органная музыка в русской культуре.

Первые органы в Россию, как и в Западную Европу, пришли из Византии. Это случилось во времена правления князя Владимира, крестившего Русь. Именно тогда установились тесные политические и культурные контакты с Константинополем. Однако в отличие от Западной Европы, где органы стояли и стоят в храмах, где органная музыка имеет большое значение для религиозных обрядов, в Киевской Руси этот музыкальный инструмент был светским. Более того, он вошел не только в придворную, но и в народную культуру. Свидетельством этого служат фрески киевского Софийского собора, возведенного при Ярославе Мудром. На сохранившейся фреске «Скоморохи» изображен музыкант, играющий на органе-позитиве, т.е. на маленьком стационарном органе, а также два кальканта, то есть его помощники, накачивающие воздух в меха органа.

Распространенность этого инструмента в Древнерусском государстве подтверждает и выражение «бить органы», которое встречается у Даниила Заточника. Тогдашние органы имели столь большие клавиши, что по ним именно били. Подчеркнем, что органное искусство на Руси носило светский характер. Органное многоголосие соотносилось с многоголосием хоровым, которое было распространено в народном искусстве.

При Иване III, прозванном Великим, Московская Русь предстала перед изумленной Европой огромным, могучим, богатым государством. Начался процесс взаимодействия Западной Европы и Московского государства. Не касаясь политических и экономических контактов, противостояния и отстаивания своих интересов, отметим культурные последствия этих контактов. Главное событие, конечно, прибытие в Москву Аристотеля Фиораванти, который создал один из самых прекрасных русских соборов — Успенский собор Московского Кремля, ставший символом Российского государства. Надо вспомнить и о том, что в 1472 году вместе с Софьей Палеолог, ставшей супругой Ивана III, в Москву прибыла не только легендарная библиотека, но и приехал из Италии органист Джованни Сальватори. Заметим, что в Италии этого времени (эпоха Возрождения) появилось немало светской музыки, в том числе и для органа. С произведениями итальянских композиторов как раз и знакомил москвитов прибывший музыкант. Выразительная музыка, исполнявшаяся Джованни Сальватори, часто звучала для Ивана III и его близких, становилась частью придворной русской культуры.

Интерес царского двора к органному искусству сохранялся и в следующем столетии, причем он ширился, выходил за стены дворцов, проникал в народное искусство. Скоморохи, странствовавшие по Руси, выступавшие на ярмарках, на свадьбах, на разного рода гуляниях, играли на органах-портативах («портатив» — от латинского слова «порт»), что означает «я ношу»). Этот орган был переносным. Его несли за две ручки, ставили в нужном месте, и органист начинал играть.

Среди большого собрания народных картинок, репродукции которых опубликованы Д. А. Ровинским, встречается изображение сцен с участием скоморохов. Особенно интересна картинка под названием «Плясун и скоморох». Подпись к ней гласит: «...спасибаста, что меня увеселяешь на волынке паче органов играешь...» По этой присказке видно, что органы-портативы сопровождали пляски скоморохов наряду с волынками.

Представление об органной культуре России XVI столетия не будет полным, если не учесть таких источников, как древнерусские миниатюры. До нас дошли миниатюры XVI века с изображением органов. Первая из них принадлежит московским мастерам и входит в знаменитый Лицевой свод, насчитывающий около 16 тыс. миниатюр работы придворных художников Ивана IV. Интересующая нас миниатюра посвящена теме «Парис и Елена в Спарте». В ее правом углу мы видим беседующих Париса и Елену, остальное пространство на первом плане занимает их свита. В первом ряду стоят музыканты. Среди них исполнители на струнных инструментах — смычковых и щипковых, а также барабанщик. В самом центре изображения помещен орган-позитив и калькант, накачивающий мехи. На некоторых других миниатюрах Лицевого свода нарисованы орган без органиста, одна клавиатура, калькант без органиста.

Данные миниатюры подкрепляют мысль о довольно широком распространении органов. На это же указывает тот факт, что Стоглавый собор (1551) посчитал необходимым в своем постановлении выразить порицание тому, что «в мирских свадьбах играют глумотворцы и органики, и смехотворцы, и гусельники».

Надо заметить, что поскольку царский двор тоже переживал увлечение органом, изгнать данный инструмент из России не удалось. Более того, из-за границы продолжали приглашать мастеров следить за состоянием инструментов, играть на тех стационарных органах, которые стояли во дворцах. Так, в 1578 году в Москву прибыл голландский органист и органостроитель Готлиб Эйльгоф, которого в соответствии с традицией именовали Немчин — Данило Немчин. Он и отремонтировал имевшиеся инструменты, и строил новые, причем не только для царя. Созданные им органы звучали в домах московской знати, способствуя распространению интереса к органному искусству в русском обществе.

Увлечение органной музыкой повышало уровень музыкальной культуры слушателей. Царскую семью уже не удовлетворяли органы, созданные в московской мастерской, и были приобретены инструменты в Англии, о чем свидетельствует письмо английского посланника Джерома Горсея о покупке в 1586 году для царицы Ирины Федоровны, сестры Бориса Годунова, нескольких клавикордов и органа, построенного в Англии.

И во времена царя Бориса Годунова живописцы отметили присутствие органа в русской культуре. Так, в «Годуновской псалтири» (1594) костромского Ипатьевского монастыря имеется миниатюра, которая с большими подробностями изображает орган. Художник показал все

его главные элементы как клавишно-духового инструмента с трубами. Он нарисовал воздухонагнетательный механизм (два меха и раздувающего их кальканта), звукопроизводящую часть — трубы, не забыл и про аппарат управления — клавиатуру. Орган изображен в момент звучания: качальщик (справа) раздувает меха, а органист, который сидит слева, играет на клавиатуре. Правда, рисунок сделан в своеобразной манере того времени: художник расположил все части органа отдельно одну от другой, словно демонстрируя устройство инструмента желающим его построить. Клавиатура с сидящим за ней органистом не соединена с корпусом инструмента. Органные трубы выглядят из-за деревянной обшивки, т. е. из-за фасада, как цветы из вазы. Мехи, которыми управляет калькант-качальщик, поставляют воздух не во внутрь органа, а куда-то в сторону от него. Во всяком случае, данное изображение позволяет узнать, что на клавиатуре московского органа XVI столетия чередующиеся клавиши были современной окраски.

К тому же столетию относятся две миниатюры из Новгородского списка «Книги глаголемой Козмы Индикоплова». Их сюжеты одинаковы: «Царь Давид составляет псалтирь». На переднем плане миниатюр художник поместил по два органа, около каждого находятся — справа качальщик мехов, слева органист. Скамейки, на которых сидят органисты, выглядят так же, как и на миниатюре «Годуновской псалтири», на всех рисунках органисты держат ноги на одинаковых подставках. Это доказывает, что существовала определенная унификация инструментов, которые создавались на Руси.

Обе новгородские миниатюры крайне интересны тем, что подтверждают распространенное в России XVI столетия значение слова «органы» — текст, размещенный художником в центре миниатюры, имеет строку: «и органы и сопелми пояху по нему». Изображения конкретного музыкального инструмента — органа — иллюстрируют этот текст, не оставляя сомнения в том, как в большинстве случаев понимали русские люди слово «органы» в данную эпоху.

Сравнение четырех русских миниатюр XVI столетия, на которых имеются изображения органов, убеждает в том, что прототипами этих инструментов являлись бытовавшие в России органы-позитивы, т. е. органы без ножной клавиатуры. Их легко можно было переносить, но для нагнетания воздуха они требовали специальных качальщиков мехов. Органы применялись в помещении и на открытом воздухе. Так, на миниатюре Лицевого свода орган в сочетании с другими инструментами звучит на площади при стечении народа. Русские художники, создатели миниатюр, имели перед собой образцы разных типов органов-позитивов: более усовершенствованных — в Москве и более старинных — в Новгороде.

Исполнителями на органах, которых становилось все больше в России, были не только иностранцы. Обучались игре на органе и русские музыканты, что расширяло известность инструмента.

Во время правления царя Михаила Романова и затем при Алексее Михайловиче придворными органистами были русские музыканты Томила Михайлов, Борис Овсонов, Мелентий Степанов, Андрей Андреев. Кроме них в Потешной палате в Москве работали также иностранцы: поляки Ежи Проскуровский и Федор Завальский, органостроители из Голландии братья Йохан и Мельхерт Лун.

Интерес к органной музыке возрастал, музыкантов требовалось больше — и отечественных, и иностранных. Причем приглашение иностранцев имело значение и для расширения музыкального кругозора русских меломанов, ведь иноземные музыканты знакомили русских людей, прежде всего московское боярство и дворянство, с западноевропейской органной музыкой. И это была преимущественно светская музыка.

При царе Алексее Михайловиче с 1654 по 1685 год служил при дворе Симон Гутовский, музыкант и прекрасный мастер-создатель музыкальных инструментов. Он был польского происхождения, родом из Смоленска. В Москве Гутовский построил несколько органов, в 1662 году по велению царя он и четверо его подмастерьев отправились в Персию, чтобы передать один из своих инструментов в дар персидскому шаху.

Отметим, что по традиции дары выражают достижение страны. Значит, царь рассматривал орган не как инородный инструмент, а как входящий в состав русской культуры, как русский инструмент, созданием которого он гордился.

Одним из значительных событий в культурной жизни Москвы стало основание в 1672 году придворного театра, который был также оснащен органом Гутовского, что указывает на роль данного инструмента в театральной культуре России.

Петр I, который с детских лет бывал в Немецкой слободе, живо интересовался западноевропейской культурой. В 1691 году девятнадцатилетним юношей он поручил знаменитому гамбургскому органостроителю Арпу Шнитгеру построить в Москве орган с шестнадцатью регистрами, украшенный сверху фигурами из орехового дерева.

Обратим внимание: для молодого Петра орган не был экзотическим инструментом. Он слышал его и в царских покоях, и в театре, и в лютеранской церкви Немецкой слободы. И заказ его означал желание получить еще один инструмент, который привлекал бы внимание москвичей и своим нарядным обликом, и звучанием.

Арп Шнитгер выполнил заказ, а в 1697 году направил в Москву еще один, на этот раз восьмирегистровый инструмент для некоего господина Эрнхорна, по-видимому, одного из тех иностранцев, которые вели дела в России. Причем дела шли успешно, если он заказал столь дорогой инструмент как орган. И еще один вывод можно сделать. Вряд ли этот господин был выдающимся музыкантом. Орган, скорее всего, звучал на приемах, которые устраивал Эрнхорн. Исполнение органных произведений повышало статус владельца дорогого инструмента. И это тоже можно толковать как косвенное признание важности органа для русских партнеров Эрнхорна, известности его в России.

На заказе органа Шнитгеру интерес Петра к «королю инструментов» не закончился. В поездке по Германии он познакомился в городе Герлице с органистом и органостроителем Кристианом Людвигом Боксбергом, которому и поручил спроектировать грандиозный орган для Москвы. К 1715 году Боксберг подготовил проект для органа-гиганта на 92 регистра.

Вообще в годы правления царя-реформатора органы строились по всей стране, прежде всего в лютеранских и католических храмах, но было немало и небольших органов, находившихся в частных домах. В эту эпоху достоянием русской культуры стала не только светская органная музыка, но и музыка, звучавшая в костелах и кирхах, куда приходили послушать органную музыку не только католики или лютеране, но и представители иных конфессий.

В Санкт-Петербурге орган звучал в католической церкви Святой Екатерины и в протестантской церкви Святых Петра и Павла. Для этой лютеранской церкви в 1737 году орган построил Иоганн Генрих Иоахим из Митавы. С 1764 года в этой церкви еженедельно проводились концерты симфонической музыки, а также исполнялись оратории. Такие концерты начались с выступления датского органиста Иоганна Готфрида Вильгельма Пальшау. Екатерина II и весь царский двор были покорены его исполнением сложных органных произведений. Эти концерты в церкви Святых Петра и Павла, несомненно, стали частью русской культуры, ибо формировали, пусть и не у широких масс, но у образованной публики, музыкальные интересы и критерии.

В конце 1770-х годов императрица Екатерина II поручила английскому мастеру Сэмюэлю строительство органа в Санкт-Петербурге предположительно для князя Потемкина. Вряд ли она заказала бы орган для человека, не знавшего или не любившего органной музыки. Подобный подарок говорит о том, что орган представлялся ценностью, которой императрица награждала фаворитов.

Известный органостроитель Генрих Андреас Контиус из Галле (Германия), создал несколько органов в прибалтийских городах, а также в Петербурге и Нарве. Учитывая, что прибалтийские земли входили в состав Российской империи, что там проживало немало русских людей, можно считать, что работа этого органостроителя также служила распространению интереса к данному инструменту в России, в русской культуре.

Самый знаменитый строитель органов в России конца XVIII века — Франц Киршник. Аббат Георг Йозеф Фоглер, давший в апреле и мае 1788 года в Петербурге два концерта, после посещения органной мастерской Киршника был под таким сильным впечатлением от его инструментов, что пригласил в 1790 году его помощника мастера Раквица сначала в Варшаву, а затем в Роттердам. Тот факт, что органостроитель высокого класса работал в России, хотя мог выбрать для своей деятельности любую европейскую страну, говорит о том, что его инструменты пользовались большим спросом, а работа хорошо оплачивалась. И это показатель сложившейся культурной традиции в русском обществе.

В культурной жизни Москвы заметный след оставила тридцатилетняя деятельность немецкого композитора, органиста Иоганна Вильгельма Гесслера (1774—1822). Игре на органе Гесслер обучался у ученика Иоганна Себастьяна Баха Иоганна Кристиана Киттеля. Поэтому в своем творчестве он придерживался традиции великого органиста лейпцигской кирхи Святого Фомы. В Россию Гесслер прибыл в 1792 году, когда был назначен императорским придворным капельмейстером в Петербурге. В 1794 году, переехав в Москву, он снискал славу лучшего фортепианного педагога, а благодаря многочисленным концертам, посвященным органному творчеству И. С. Баха, оказал огромное влияние на русских музыкантов и любителей музыки. Правда, стоит отметить, что в Москве уже были знакомы с именем и произведениями великого немецкого полифониста благодаря Якобу фон Штелену, выпускнику Лейпцигского университета и будущему российскому академику. Фон Штелен, отличавшийся глубокой образованностью и известный как почитатель творчества И. С. Баха, стал автором первых статей о русской музыке, тем самым соединив в своих исследованиях музыку как Западной, так и Восточной Европы.

В XIX веке в среде русской аристократии распространился интерес к музицированию на органе в домашних условиях. Князь Владимир Федорович Одоевский (1804—1869), один из самых замечательных наших соотечественников, друг М. Г. Глинки и автор первых в России оригинальных сочинений для органа, в конце 1840-х годов пригласил

мастера Георга Мельцеля для строительства инструмента, вошедшего в историю русской музыки как «Себастьянон», названного по имени Иоганна Себастьяна Баха. Речь шла о домашнем органе, в разработке которого принимал участие сам Одоевский. Он поставил перед собой цель сформировать у русской музыкальной общественности интерес к органу и к исключительной личности И. С. Баха. Соответственно, и программы его домашних концертов были в первую очередь посвящены творчеству великого композитора. Именно от Одоевского исходил призыв к русской общественности собрать денежные средства на восстановление баховского органа в Новой церкви (ныне Баховская церковь) в Арнштадте (Германия).

Весьма знаменательно, что именно русские поклонники творчества Баха озаботились восстановлением органа в далеком немецком городе. В этом проявилась и укорененность любви к органу в русской культуре, и способность русской души к сопереживанию, в данном случае к сопереживанию по поводу печального состояния инструмента, на котором играл великий Бах. Заметим, что в Западной Европе в этот период благодаря Феликсу Мендельсону-Бартольди возродился интерес к творчеству И. С. Баха, но только В. Ф. Одоевскому пришла в голову мысль о том, что надо сохранить и баховский орган.

На органе В. Ф. Одоевского часто музицировал для московской и петербургской публики М. И. Глинка. Из воспоминаний его современников нам известно, что он был наделен выдающимся импровизаторским талантом. Высоко оценил органные импровизации Глинки Ф. Лист. Во время своих гастролей в Москве 4 мая 1843 года он выступил с органным концертом в протестантской церкви Святых Петра и Павла, включив в программу фугу Георга Фридриха Генделя. Все концерты Листа в России прошли с триумфальным успехом, а исполнение им органных произведений добавило популярности этому инструменту.

Стоит вспомнить, что на гастроли в Россию Ф. Лист, признанный величайшим музыкантом мира, прибыл из Кёнигсберга. Зимой 1842 года он дал несколько концертов в городе на Прегеле. Публика с огромным энтузиазмом принимала его, особый восторг и преклонение вызывало то, что немалые сборы от этих концертов великий пианист и композитор щедро отдавал на всевозможные благотворительные цели.

Всеобщее воодушевление, вызванное концертами Ф. Листа, подвигло руководство Кёнигсбергского университета на небывалое действие: Альбертина удостоила композитора звания почетного доктора, что впервые было сделано по отношению к музыканту.

Из Кёнигсберга Ф. Лист отправился в Россию. Маршрут пролегал через Ригу, Митаву. Его встречали с военными оркестрами и даже салютами, что подтверждало сложившееся за рубежом мнение об исключительной любви русских к музыке. В апреле Ф. Лист добрался до Петербурга, где все его концерты посещала императрица. А в следующем году он выступал не только в Петербурге, но и в Москве. Здесь Лист, как уже упоминалось, познакомился с Михаилом Ивановичем Глинкой, и не только с восторгом отзывался об органных импровизациях нашего соотечественника, но стал почитателем музыки великого русского композитора и в дальнейшем исполнял ее.

Успехи органных концертов способствовали тому, что в XIX столетии в России продолжали интенсивно строить органы. К 1856 году в стране имелось 2280 церковных органов, а кроме того, петербургская аристократия, московская знать полагали необходимым иметь эти инструменты в своих домах. В Петербурге в качестве фортепианного и органного мастера работал Карл Вирт, создавший несколько органов для домашнего музицирования. Помимо этого он построил инструмент, который предназначался для церкви Святой Екатерины. В 1875 году этот орган был продан в Финляндию. Правда, надо иметь в виду, что Финляндия входила в состав Российской империи и российская интеллигенция любила отдыхать в Финляндии, а значит, и посещать концерты.

В Москву, Кронштадт и Петербург поставляли свои органы английские и немецкие фирмы. Австрийская органостроительная мастерская братьев Ригер создала несколько органов в провинциальных российских городах: в Нижнем Новгороде в 1896 году, в Туле в 1901-м, в Самаре в 1905-м, в Пензе в 1906-м. Это означало распространение органной музыки, органного искусства в российской глубинке, его включенность в музыкальную культуру России. Заметим, что в провинции органы стояли не в католических или протестантских церквях, а в залах дворянского собрания, что означало продолжение идущей из веков традиции рассматривать орган как светский музыкальный инструмент.

Один из самых знаменитых органов Эберхарда Фридриха Валькера с 1840 года находился в протестантском соборе Святых Петра и Павла в Петербурге. Он был возведен по образцу построенного семью годами раньше большого органа в церкви Святого Павла во Франкфурте-на-Майне. Этот орган любил слушать Петр Ильич Чайковский.

Новый подъем в русской органной культуре начался в связи с основанием органных классов в Петербургской (1862) и Московской (1885) консерваториях. В качестве первого преподавателя органа в Пе-

тербурге был приглашен выпускник Лейпцигской консерватории, уроженец города Любека Генрих Штиль (1829—1886). Его преподавательская деятельность в Петербурге продлилась с 1862 по 1869 год. В последние годы жизни он был органистом церкви Святого Олафа в Ревеле (Таллин), тоже на территории Российской империи.

Штиль и его преемник в Петербургской консерватории Людвиг Гомилиус (1845—1908) в своей педагогической практике ориентировались прежде всего на немецкую органную школу. Занятия органного класса Петербургской консерватории в первые годы проходили в соборе Святых Петра и Павла, а среди первых студентов-органистов был П. И. Чайковский. Собственно в консерватории орган появился лишь в 1897 году. Он был установлен в Малом зале знаменитой фирмой «Эберхард Фридрих Валькер».

В 1901 году получила великолепный концертный орган и Московская консерватория. Его построила для Большого зала очень известная французская фирма «Аристрид Кавайе-Коль». В течение года этот орган был выставочным экспонатом в Русском павильоне Всемирной выставки в Париже (1900). Отметим, что французская фирма построила орган специально для зала консерватории, т. е. в отличие от немецких и французских органов, которые создавались для соборов, а значит, для церковной музыки, этот инструмент был универсальным. На нем, не перенастраивая, можно было исполнять как немецкую, так и французскую музыку. Недаром его представили в Париже как образец достижений России, ведь во Франции такие органы не использовались. Установкой этого до сих пор великолепно звучащего инструмента занимался великий французский композитор и органист Шарль Видор, который был преисполнен энтузиазма дать Москве орган, подобного которому не было в то время в европейских городах, ибо, еще раз напомним, он является универсальным. Это стало одним из последних деяний Ш. Видора: вскоре после того, как орган зазвучал в Москве, он ушел из жизни.

В дополнение к этому инструменту имелись еще два органа Ладегаста, которые в 1885 году нашли свое место в Малом зале консерватории. Большой из них пожертвовал купец и меценат Василий Хлудов, поступок которого свидетельствовал о том, что в российском обществе широко распространилось понимание высокой культурной ценности органа. Этот инструмент был в употреблении в консерватории до 1959 года, пока его не заменили на новый. Профессора и студенты регулярно участвовали в концертах в Москве и Петербурге, а выпускники обеих консерваторий концертировали также в других городах, таких, как Одесса, Саратов, Харьков, Казань и Астрахань.

Замечательный русский композитор С. Танеев не только своими сочинениями, но и научно-исследовательской деятельностью формировал интерес к полифонии вообще и русской полифонии в частности. Его влияние испытали Б. Сабанеев и Ж. Гандшин, которые и после Октябрьской революции продолжили пропаганду полифонии, а следовательно, и органа.

* * *

Однако вернемся к концертам, которые дал в Германии органист культурного центра «Кафедральный собор» Артем Хачатуров.

Первым произведением, исполненным музыкантом, стала «Пассакалия» Д. Д. Шостаковича из оперы «Катерина Измайлова». По замыслу великого композитора именно орган должен был прозвучать в опере, именно для него написана «Пассакалия». Если Д. Д. Шостакович — это признанный во всем мире классик, то имя Вячеслава Каратыгина, теоретика музыки и замечательного композитора, вряд ли было известно немецким слушателям. Его «Прелюдия и фуга», несомненно, расширила представления всех присутствовавших на концерте о русской музыкальной культуре. И само произведение, созданное в традиционной для органа форме, наполнено истинно русской певучестью и удалью.

Помимо этих произведений на концерте прозвучали шесть «Канонов» Р. Шумана. Кроме того, что 2010 год был годом 200-летнего юбилея великого романтика, Артем Хачатуров имел в виду (и об этом упомянул ведущий концерта), что Роберт Шуман и Клара Вик, его жена и великая пианистка, в 1844 году с большим успехом выступали в России. Они были одними из первых немецких музыкантов, приехавших в нашу страну на гастроли. А добирались до Петербурга через Кёнигсберг, где также дали концерт.

Стоит сказать, что «Каноны» Шумана Артем Хачатуров играет замечательно, вдохновенно, с тонким чувством эпохи и особенностей мировосприятия композитора. Недаром летом 2009 года на дневном концерте нашего органиста, когда звучал один из «Канонов», произошло чудо. Девочка, которая в результате потрясения потеряла голос и которую несколько лет безрезультатно лечили в лучших клиниках России и европейских стран, во время исполнения «Канона» вновь обрела его.

Завершил концерт Артем Хачатуров великолепной, завораживающей и потрясающей мощью пьесой Х. Кушнарера «Пассакалия и фуга». Это именно то произведение, которое И. Браудо считал самым

интересным явлением органной музыки первой половины XX века. Выбор великого сочинения Х. Кушнарера нашим музыкантом был поразительно точным. Эмоциональное воздействие «Пассакалии и фуги» столь велико, что все, кто слышал ее в исполнении А. Хачатурова, становятся горячими почитателями замечательного ленинградского композитора.

А теперь, когда читатели познакомились с программой концертов Артема Хачатурова, надо сообщить, где он выступал. Это, прежде всего, кафедральный собор Берлина, весь огромный зал которого был заполнен. Слушатели тепло встретили органиста, а после завершения концерта устроили настоящую овацию.

С этой же программой Артем выступил в Кёнигслотере. И тоже с огромным успехом, с долгими, благодарными аплодисментами.

На мой взгляд, выступления нашего молодого органиста сделали значительно больше для взаимопонимания народов, чем визиты иных политиков и депутатов, которые выезжают за границу «других посмотреть, себя показать».

Во-первых, Артем Хачатуров, играя русскую органную музыку, укрепил слушателей в осознании того, что наш народ обладает великой музыкальной культурой. Во-вторых, блестяще исполнив произведения Р. Шумана, он подтвердил высокий уровень отечественного исполнительского искусства, выразил глубокое понимание немецкой музыки. И все это способствует росту уважения и доверия к нашему народу, нашей стране.

В-третьих, Артем Хачатуров представлял не только Россию, но и наш город как главный органист калининградского культурного центра «Кафедральный собор». А в Германии знают, что именно наши мастера восстановили древнее здание собора, превратили недавние руины в музейный комплекс, в концертный зал с великолепной акустикой, с изумительным органным комплексом. И это свидетельствует о том, что русская культура сохраняет свои позиции в мире, что она остается великой культурой, необходимой всему человечеству.

ПОБЕРЕЖЬЕ

Игорь Белов (род. в 1975 году) — поэт, переводчик. Стихи публиковались в журналах «Знамя», «Новый мир», «Октябрь», «Континент», «Воздух», «День и ночь», «Север», «ШО» и других, переводы из польской, украинской и белорусской поэзии — в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Воздух», «Сибирские огни», «Интерпоэзия», «Новая Польша», «ШО», «TextOnly» и других. Лауреат всероссийской литературной премии «Эврика!» (2006), Волошинского фестиваля (2011), дипломант международного Волошинского конкурса (2007, 2008), стипендиат Министерства культуры РФ (2003), Шведского института (2007) и министра культуры Польши «Gaude Polonia» (2009), участник ряда литературных акций в России и за рубежом. Стихи переводились на шведский, немецкий, польский, эстонский, украинский и белорусский языки. Член Союза российских писателей и Русского ПЕН-центра. Автор книг стихов «Весь этот джаз» (Калининград, 2004), «Музыка не для толстых» (Калининград, 2008).